

Е.Л. Березович

**К СЕМАНТИЧЕСКОЙ РЕКОНСТРУКЦИИ
НЕКОТОРЫХ РУССКИХ ДИАЛЕКТНЫХ
ВЕРБАЛЬНЫХ ФОРМУЛ ('ТИПУН ТЕБЕ НА ЯЗЫК!')**

В настоящих заметках рассматриваются русские диалектные идиомы, содержащие недобро пожелание, которое, как правило, является реакцией говорящего на какие-либо негативно оцениваемые вербальные действия адресата. Диапазон таких действий весьма широк: приставания с расспросами, надоедливое нытье, плач, повторение одного и того же, брюзжание, слишком громкий голос или крик, употребление обсценной лексики, неумеренные похвалы (которые могут быть расценены как попытка сглазить, навести порчу), негативное содержание высказывания, доходящее до оскорбительного или кощунственного. В литературном языке и просторечии этим формулам соответствуют призывы замолчать (*замолчи, заткнись* и т.п.) или выражение *типун тебе на язык*. Грубо-просторечное *заткнись* может быть реакцией как на формальную, так и на смысловую сторону вербальных действий адресата, и выполняет только конативную функцию. Что касается выражения *типун тебе на язык*, то здесь конативная функция по происхождению восходит к магической: эта формула произносится с целью своеобразного вербального оберега и в ответ на возмутительный, кощунственный смысл речей, и в качестве реакции на более “легкое”, но негативное для слушателя содержание высказывания (например: – *Сегодня будет снег с дождем.* – *Типун тебе на язык!*). Русские диалектные идиомы с соответствующей семантикой не очень многочисленны, однако они представляют определенный интерес с точки зрения их мотивационных особенностей.

Представим материал, собранный по русским диалектным словарям, а также неопубликованным лексикографическим источникам. При подаче материала не приводится значение, поскольку в источниках оно иногда опускается (тогда источник ограничивается фиксацией самой формулы, подразумевая прозрачность выведения семантики из внутренней формы) или подается весьма обобщенно, ср. дефиниции типа “бранно”, “бранное выражение”, “восклицание, выражающее крайнюю степень неудовольствия, неодобрения, возмущения” (в этих случаях появляется проблема выделения интересующих нас идиом из всего набора бранных формул: семантика высказывания может быть уточнена с помощью контекста или же благодаря прочитываемому во внутренней форме выражения указанию

на “локус” негативного воздействия – *глотка, язык, хайло* и т.п.). По ходу представления материала даются справки относительно мотивировки более или менее ясных фактов; трудные в мотивационном отношении случаи комментируются отдельно.

Васíха тебе на язык! арханг. (ЛК ТЭ). ~ Ср. *воссá, воссáй* ‘болезнь кожи, сопровождающаяся зудом (лишай, экзема, чесотка)’, ‘болячка с ранкой посередине с болевыми ощущениями в одной точке’ (СРНГ 5, 145–146), *восцá* ‘упорный, иногда гнойный лишай, на кожная язва на людях и на скоте’ (Даль² I, 252), *вассá* ‘зуд’ (Сл. Сред. Урала 1, 67), *вóсса* ‘болезнь кожи, сопровождающаяся зудом (обычно в ступнях и ладонях)’ (ЛК ТЭ) и др. Все вариантные формы такого рода, по мнению В.А. Меркуловой, восходят к праформе **ohsъsса*, которая образована от глагола **sъscati* ‘мочить’ (вернее – от его приставочной формы **ohsъscati*); с точки зрения мотивации следует учесть свойства реалии (мокнущий гнойный лишай)¹. Вариантные формы из этой группы имеют традицию использования в составе негативных вербальных формул (являющихся не только негативной реакцией на вербальные действия адресата, но и имеющих более широкую пейоративную семантику – *вроде черт тебя побери*), ср.: *чтоб те восса села!* (СРНГ 5, 145).

Вищипи те гóрло. карел. (СРНГ 7, 41).

Вóлос бы сел на язык тебе (вóлос бы тебе сел)! арханг., волог. // Волос бы сел на язык тебе! Думай, что говоришь-то (арханг.) // // Кто-то говорит напраслину, в общем, врут на человека, говорят: волос бы тебе сел! (волог.) // *Красный тебе волос!* арханг. *Волосéц красной!* арханг. *Волосы тебе в хайлó!* арханг. // Говорю ему: “Волосы тебе в хайло! Ха-ха-ха!” // *Волосы тебе!* арханг. *Волосы́ бы тебе!* арханг. (ЛК ТЭ). ~ Ср. *волос* ‘водяной червь волосатик’ (“По поверью, это животное забирается под кожу людям и животным во время купания и причиняет болезнь *волос*, *волость* или *волости*, выражаяющуюся опухолями, краснотой или даже колотьями”); ‘гнойное воспаление, язва, опухоль, нарыв’ и др. (СРНГ 5, 57); ср. также многочисленные вариантные формы *волосéй*, *волосень*, *волосéнье*, *волосéц*, *волости* и т.п., обозначающие водяного червя и/или различные причиняемые им болезни (СРНГ 5, 58–63; ЛК ТЭ). Характерно появление в этой лексической группе слова *волосатик* ‘нечистый дух, черт’ (СРНГ 5, 58), отражающего регулярный переход ‘название нечистой силы’ ⇔ ‘обозначение болезни’. Следует также отметить, что слова, составляющие данную группу, нередко используются в составе бранных формул с обобщенным значением, ср.: *волосатик ты изнырай* (СРНГ 123, 159), *волосатик бы тя взял; волости тя возьми* (СРНГ 5, 58, 62) и т.п.

Жáба! яросл., влад., ворон. // Где ты была, Дуняха? – Ездила в Бродово. – Пошто? – По самопряху. – Нет, скажи и вправды – по-

што? – Да я говорю тебе, што по прялку. – Нет, обманываешь! Побожись-кось! – Жаба! Отступись ты от меня Христа ради” (яросл.) // Жáба бы тебе на язык-от! яросл. Жáба (жáбы) тебе, ему в рот. свердл. Жáба те сядь! олон., ряз. Жаб тебе засади! ворон. (СРНГ 9, 49). Жáба садится тебе! волог. // Если кто ревет, собака залаает или заведет все одно и то же на весь-то вечер, так и говоришь: жаба садится тебе! // (ЛК ТЭ).

Жёви тебя бы съели! волог. // Если кто кого ругает, а другой отговаривается: “Жёви тебя бы съели! – отговоришься” // *Жёвли сели!* волог. // Говорят “Жёвли сели!”, когда человек говорит не то, если спрашивают вопрос серьезный, а он демагогию разводит, не может себя сдержать // *Жёвли тебе сядь!* волог. *Жёвье тебе седь!* волог. *Жёвьи бы тебе сели!* волог. // Кто-то говорит напраслину, в общем, наврят на человека, – говорят: “Волос бы тебе сел! Жёвьи бы тебе сели!” // *В жёвью тебя седь!* арх. // Когда ругаемся, дак скажем: “В жёвью тебя седь!” – нехорошее слово // (ЛК ТЭ). *Желвáк тебе в горло!* олон. *Желвáк тебе в рот!* перм. (СРНГ 9, 102). *Жёлви бы тебе сели!* арханг. // Жёлви бы тебе сели хорошие! – чё зааарандау-то? // (ЛК ТЭ). *Жёлви тебе (те) в рот!* волог. *Жёлви седь!* новг. (СРНГ 9, 103). *Жёлви сели бы тебе на язык!* волог. // Жёлви сели бы тебе на язык! Ишь, что пророчит! // (Вологодский словарь 2, 81). *Жёлги бы тебе (ему) сели (село)!* волог. // Если человек много болтат, то ему говорят: “У, жёуги бы тебе сели!” // // Скажет неладное какое слово, так говоришь: “Сели бы тебе жёуги!” // // Жёлги бы тебе село! – ругачество такое, какая-то болезнь неизлечимая // // Сидит да болтает – жёлги бы ему сели! // *Жёлги седь!* волог. // Когда ребёнок много кричит, корова ревёт, то говорят: “Жёуги седь!” // *Жёлги тебя!* волог. // Когда кричит громко или ругается кто, ему говорят: “Жёуги тебя, замолчи!” // (ЛК ТЭ). ~ Ср. *жёлви*, *желвй* и др. ‘нарывы, волдыри, желваки’, ‘гипертрофированные железы на шее (обычно золотушного происхождения)’, ‘распухшие гlandы’ и т.п. (СРНГ 9, 102–103; ЛК ТЭ).

Желнá тебя колонý! волог. // Говоришь плохое против Бога да против человека – ну, жеуна тебя колони! Жеуна-то в лисе дятеу. Скажет кто лишнее: “Ну, жеуна тебя колони!” // (ЛК ТЭ).

Засадíй (засады) тебе (те) (горло). Ряз., тул., курск., ворон., донск., твер. (СРНГ 11, 17). *Засадíй тебе кадык-то.* ряз. (СРНГ 11, 17). *Кабы тебе засадило!* Бранно. Чтоб ты замолчал. пск., твер. (СРНГ 11, 17–18). ~ Ср.: *засадить* ‘наполнить мокротой (горло)’ курск. (СРНГ 11, 17).

Змей (змеишио) (тебе, ему, вам и т.п.) в хайло. сев.-прикам. (Прокошева, 40).

Кипун тебе на язык. карел. (Словарь Карелии 2, 348). ~ Ср. *кипун* ‘белый пузырь на языке’ новгор. (Новг. словарь 4, 42). Ана-

логичные факты зафиксированы в говорах Полесья: ср. слова *кіпун*, *кіпотень*, функционирующие в составе вербальной формулы с изучаемой семантикой². Очевидно, *кипун* < *типун*, ср. подобную мену в случаях *клиль* < *тиль*, *кина* < *тина* (ЛК ТЭ) и др. Менее вероятна производность от *кипеть*.

Кляп бы тебе в рот! волог. (“В ругательстве говорят; т.е. желают, чтобы ему клином разинули рот, как прежде преступникам во время наказания их кнутом”), ленингр. (СРНГ 13, 331). ~ Ср. литер. *кляп*, а также *кляч в горле встал* ‘об ощущении комка в горле’ при *кляч* ‘чурка’ (Словарь Карелии 2, 379).

Кол бы тебе в горло! карел. (Словарь Карелии 2, 396). *Кол бы тебе в кайдку!* карел. (Словарь Карелии 2, 310). *Кол в хайло!* перм. // Ежли уж матюшатся с большиё матери, дак им скажут: кол вам в хайло! // (Перм. словарь 1, 403). *Колом тя в горло (по горлу)!* пск., твер. (СРНГ 13, 110). ~ Ср. *кайдка* ‘горло’ (Словарь Карелии 2, 310).

Корочун тебе на язык! новг. (Новг. словарь 4, 117). ~ Ср. *корочун* ‘тяжелая болезнь’, ‘злой дух, нечистая сила’ (Новг. словарь 4, 117), а также *карачун* ‘внезапная, неожиданная смерть’, ‘злой дух, черт, демон’ и др. (СРНГ 13, 75). Это слово является производным от **korčiti* ‘шагать’ с суф. *-инъ* (т.е. исходно ‘шагающий, приходящий’); спектр значений, в котором оказываются соотнесенными семантические сферы ‘болезнь’, ‘смерть’, ‘злой дух, демон’, ‘святочный обряд, колядка’ и др., можно считать характерным для лексики такого типа³.

Корх тебе седь на язык! арханг. // Не к добру чего скажешь: ‘Корх тебе седь на язык!?’ // (ЛК ТЭ). ~ Ср. *корх* ‘коршун’; ‘типун на языке куриц’. арханг. (ЛК ТЭ).

Лесной в рот. свердл. (Сл. Сред. Урала 2, 93). ~ Ср. *лесной* ‘лесший’ (Сл. Сред. Урала 2, 93).

Нож ему в ад (глотку). перм. (СРНГ 21, 268). ~ Ср. *ад* ‘пасть, горло, глотка, рот’ (СРНГ 1, 203–204).

Сулема на язык тебе! волог. (ЛК ТЭ). ~ Вторичное заимствование *сулема* дает в говорах широкий набор значений, среди которых ‘несъедобная пища, отрава; приворотное зелье; мусор’ (ЛК ТЭ) и др. В составе рассматриваемого выражения, скорее всего, функционирует *сулема* ‘отрава’ (ср. *сулемовый настой* ‘которым крестьяне, лечась, частенько отравляются’ [Даль² IV, 359]); фиксируются и другие негативные вербальные формулы с использованием *сулемы*: *сулема тебе в руки; сулема его побери* (ЛК ТЭ).

Тресья тебе (ему, ей) на язык! // Тресья бы тебе на язык-от села, чтоб не обалтывала меня, бессовестная // сев.-прикам. (Прокопцева, 102). ~ Ср. *трёсся, тряссся* ‘гнетучка, кумоха, лихорадка’ волог., юж., вост. (Даль² IV, 439), *трёсся* ‘беда, неприятное происшествие’ волог. (ЛК ТЭ). Обозначения лихорадки используются в

других негативных вербальных формулах: *тряси́ца, тря́сье тебе!* (Даль² IV, 439), *тресь ее побери!* (Прокошева, 102), *тряси́чка тебя истряси* (СРНГ 12, 266).

Червь под язык тебе! арханг. // Червь под язык тебе! – все неладно говоришь // // Червь тебе под язык! – помольвка была такая; а кто скажет “Волос тебе под язык!” // // Червь под язык тебе! Скажешь ты про мою корову, така хороша, скажут, червь под язык тебе, чтобы не изурочила, а то скотина прикоснёт // (ЛК ТЭ).

Чивера тебе на язык! перм.⁴ ~ Ср. чи́вереть ‘худеть, сохнуть’ пск. (Опыт, 257), чáвереть, чáреть, чаврить ‘блекнуть, вянуть, чахнуть, сохнуть; хилеть, хизнуть; загнивать’ (Даль² IV, 508) и др. (об этих глаголах см. [ЭССЯ 4, 32]).

Чирей бы тебе на язык! волог. (ЛК ТЭ). Чирéй вам в рот! олон. (Куликовский, 133). ~ Ср. чирей тебе в костыч (кафтан)! (СРНГ 15, 86).

Чтоб тебе глотку закла́ло! новосиб. (Новосиб. словарь, 171).

Чтоб тебе язык напáло (вытянуло). донск. (Донской словарь 2, 168).

*Шшиепота (шишепотишие) те на язык!*⁵

Язвина тебе в рот. сиб. (Фразеол. сл. Сибири 160).

Изучаемые формулы реализуют различные структурные модели, нередко пересекающиеся в основных звенях. Набор элементов, которые могут использоваться в составе этих моделей, таков: *орудие негативного воздействия – негативное воздействие – объект воздействия* (адресат проклятия) – локус.

Позиция **адресата** наименее интересна, здесь обычно выступает местоимение 2 л. ед.ч., реже – 3 л.

Локус воздействия означивается словами, называющими органы ротовой полости и смежные с ними: *ад, горло, кадка, кадык, рот, хайло, язык*.

Наиболее разнообразна лексика, называющая **орудие негативного воздействия** (неодушевленное или персонифицированное). Здесь выделяются следующие группы (многозначные лексемы вроде *корочун, волос* и др. будут поданы условно в составе той группы, куда следует отнести основное – хотя бы по критерию частотности – значение слова):

- названия заболеваний, болезненных повреждений (чаще кожных – язв, нарывов и т.п.): *vasиха, жёлви* (желвак, жёлги и др.), *кипун, тресья, чивера, чирей, шшиепота, язвина*;
- названия животных: пресмыкающиеся (*волос, змей, червь*), земноводные (*жаба*), птицы (*желна, корх*);
- названия мифических существ: *корочун, лесной*;
- обозначения предметов, которые могут использоваться для нанесения увечий, отравления и т.п.: *кляп, кол, нож, сулема*.

Меньшим разнообразием отличаются характеристики самого **негативного воздействия** (соответствующая позиция в составе формулы нередко оказывается незаполненной). Эти действия либо подаются безлично (*выщипать, закласть, засадить, *напять*), либо приписываются перечисленным выше “субъектам” (*колонуть, сесть, съесть*).

Охарактеризовав в общем виде своеобразие лексики, функционирующей в составе изучаемых формул, представим некоторые комментарии мотивационного характера.

Думается, что следует особо выделить “жабьи” идиомы. Семантическая связь ‘жаба’ → ‘рот’⁶ весьма устойчива как в русских говорах, так и в славянских языках в целом и разработана с разных сторон: имеют языковую экспликацию функциональные мотивы ‘хватающая ртом’, ‘жующая’, ‘портретный’ мотив ‘имеющая большой уродливый рот’, а также “сценарный” мотив, приписывающий жабе способность залезать в рот человека. Последний проявляется на языковом уровне в наименованиях различных болезней, болезненных выпуклостей, локализующихся чаще всего во рту, в горле, в области шеи⁷, а также во внутренней форме идиом типа *жабу тебе в рот*⁸. Наличие анатомического и функционального мотивов укрепляет и поддерживает сценарный мотив, создавая номинативный материал, который может быть “поворнут” различными способами.

С “жабьими” формулами перекликаются выражения, в состав которых входит слово *желвак*, а также активно варьирующиеся *жёлви*, *жёвьи*, *жёвли* и т.п. Базовой для этих вариативных форм следует считать лексему *жёлви* с исходной семантикой ‘комок, бугорок, ж л в а к’, восходящую к *žel- (< и.-е. *ghel-, который выступает в разных названиях шишек, желваков, камешков) с расширением -i > -u⁹. Варьирование данной формы обусловлено как деэтимологизацией, так и контаминационными процессами – например, аттракцией к *жевать* (ср. варианты *жёви*, *жёвьи*, *жёвли*). Такая аттракция обусловлена не только формальной близостью этих слов (усугубляемой типичным для севернорусской фонетики произнесением [ў] на месте [л]), но и имеет содержательную подоплеку – представление о том, что разного рода опухоли на языке (в частности, типун на языке куриц) могут “н а ж е в ы в а т ь с я”, ср. эту идею в контексте к слову *пильши* ‘типун на языке куриц’ // *пильши у кур быват, наедают они себе, н а ж ё в ы в а ю т* // волог. (ЛК ТЭ) (в поле аттракционных сближений такого рода оказывается и *жёлвить* ‘есть, принимать пищу’ арханг. [ЛК ТЭ]).

Весьма интересны птичьи образы, функционирующие в составе вербальных формул *желна тебя колони и корх тебе седь на язык*.

Образ желны (черного дятла) живо восстанавливается языковым сознанием из соответствующей идиомы (ср. контекст // Говоришь плохое против Бога да против человека – ну, *жеуна тебя колони!* Жеуна-то в лисе дятеу. Скажет кто лишнее: “Ну, *жеуна тебя колони!*” //), однако появление этого образа имеет, как представляется, не столько внеязыковую, сколько внутриязыковую мотивацию. Рассматривая внутриязыковые предпосылки следует, во-первых, обратить внимание на лексему *жёвна* (*жёвня*) ‘опухоль на языке куриц, типун’ волог. (ЛК ТЭ), для которой можно предполагать производность от *жевать*; семантически такая версия поддерживается упоминавшимся выше представлением о том, что типун “нажёвывается” курицами. Возможно, первичная форма *жёвна* подверглась аттракции к *желна* ‘дятел’ (вероятность такой аттракции подтверждается тем, что данные лексемы в говорах Русского Севера могут быть омофонами, ср. *жёлна* ‘черный дятел, желна’ арханг., волог. [ЛК ТЭ; СРНГ 9, 108] при явлении нейтрализации [в] и [л] в [ÿ]). Дополнительной смысловой поддержкой процесса аттракции становится представление о прожорливости желны, о ее свойстве постоянно “жеваться”, которое отражается, к примеру, в лексеме *желнá* ‘обжора; тот, кто беспрестанно ест, “жуется”, желнýть ‘беспрестанно есть, “жеваться”’ арханг., влад. (ЛК ТЭ; СРНГ 9, 108). Во-вторых, базой для аттракции к названию черного дятла мог стать другой омофон, ср. зафиксированную на территории Русского Севера лексему *желнá* ‘болячка’ карел. (Словарь Карелии 2, 46) (это слово, возможно, родственно *желунýца* ‘воспаление, гангрена’, которое, по мнению В.А. Меркуловой, восходит к **želunъ* ‘желчный’ < **želъ* ‘воспаление; горечь’¹⁰). Такая аттракция, как и предыдущая, имеет не только фонетическое, но и смысловое обоснование: наименования болезней, как было показано выше, активно функционируют в составе изучаемых вербальных формул. В-третьих, процесс аттракции мог быть спровоцирован не омофоничным, но тоже фонетически близким словом типа *жельв* и проч. (см. выше), являющимся обозначением опухоли горла, желвака, etc.¹¹ Факты такой аттракции отмечены А.В. Гурой: “Созвучием слов *желна* и *желвы* определяются некоторые коннотации, присущие образу дятла. Так, карпат. украинцы запрет убивать дятла (укр. *жовна*) объясняют опасением подхватить золотуху (укр. *жовны*), а русские парят и прикладывают траву “дятлевник” к воспаленным железам (*желвам*) на шее”¹². Независимо от того, что является базой аттракции, следует предполагать, что при создании идиомы *желна тебя колони* происходит “оживление” образа птицы (наведенного, по-видимому, народно-этимологическими сближениями), когда ей приписываются обычные для дятла действия – стучать, колотить. Нельзя исключать

и существования внеязыковых факторов, обусловивших соотнесение представлений о типуне и дятле. Такие факторы могут быть аналогичны тем, что сработали при появлении другой “птичьей” формулы – *корх тебе седь на язык*.

В образе коршуна (*корх*, *коршака* и др.) ведущим мотивом является хищность. Непосредственная опасность для домашней птицы, исходящая от коршуна, обусловливает использование этого образа в составе бранных формул типа *коршák тебя бей*; *коршák тебя задери*; *коршák тебя возьми* (СРНГ 15, 33). С точки зрения семантической типологии показательна фиксация аналогичных вербальных формул, например, в венгерском языке, ср.: *hogy a kánva vinné el* ‘дьявол его возьми’ (букв. “чтоб коршун унес его”)¹³. Можно думать, что формула, обозначающая вербальный запрет, возникла в результате весьма типичного для изучаемого пласта идиоматики семантического сдвига: как было показано выше, смыслы ‘черт побери!’ и ‘типун на языке’ нередко соседствуют в одном блоке вербальных формул и вполне обратимы. Однако фиксация слова *корх* ‘типун на языке куриц’ в архангельских говорах вне соответствующей формулы позволяет предположить и несколько иной ход семантического развития.

В плане типологии любопытно, что весьма редкая связь значений ‘опасная, хищная птица’ и ‘типун’ известна румынскому и молдавскому языкам: молд. *кóбе* – 1) типун (птичья болезнь); 2) фолькл. птица, которая криком предвещает беду (ворон, филин, сова, кукушка)¹⁴; рум. *cóbă* – 1) болезнь кончика языка птиц, типун; 2) птицы (кукушка, ворона и др.), которые своим криком предвещают несчастье¹⁵. Если словари современного румынского и молдавского дают такой порядок значений, то исторические словари румынского языка первичным для слова *cóbă* считают значение ‘зловещая птица’: 1) птица (совы, филин, кукушка, ворон и др.), которая возвещает несчастье; 2) любой предмет или явление, который предвещает несчастье; 3) несчастье; 4) болезнь у куриц и гусей, вызванная нехваткой воды, типун и др.¹⁶ Первичность “птичьего” значения подтверждается этимологически: данное слово квалифицируется как заимствование из славянских языков, ср. ст.-слав. *кобъ* ‘гадание по птичьему полету или по встрече’, др.-рус. *кобъ* ‘гадание по полету птиц; предзнаменование, колдовство и др.’, при этом значение ‘типун’ считается региональной романской новацией (высказывается предположение, что его появление можно объяснить тем “жалким” звуком, который издает курица, больная типуном)¹⁷. Славянские лексемы являются продолжениями корня **kob-*, к гнезду которого относятся также наименования хищных птиц, ср.: болг. *кобъц* ‘сокол’, слвц. *kobec* ‘хищная птица *Falco columbarius*’, русск. *кóбец*, *кобчик* ‘малый ястреб’,

диал. *кобчик* ‘род ястреба’, укр. *кібець* ‘кобчик’ и др. (ЭССЯ 10, 101–102). Таким образом, румынский факт говорит о существовании семантического перехода *зловещая птица* → *типун на языке птиц*, направляемого, по всей видимости, семами ‘несущий опасность’, ‘зловещий’ (приведенная выше версия, которая связывает эти значения через идею звука, издаваемого большой курицей, малоубедительна): несмотря на то, что птичий типун является, казалось бы, незначительной “болячкой”, он тяжело переносится курами (*Хоть маленький пипчик, а куры быстро дохнут* [ЛК ТЭ]) и воспринимается как грозный знак, несущий серьезную опасность (ср.: *Сегодня пипши к курям, а завтра беда к людям* [ЛК ТЭ], польск. *Drze rureć wiosce niejednej niebodze, nahałaśuje i naczyni strachu* [Варшавский словарь V, 449]).

Изложенное заставляет думать об устойчивой связи представлений о хищной (зловещей) птице, пророчащей беду, и вербальной угрозе – реакции на кощунственные слова. Тем самым создается мотивационная база для объяснения идиомы *корх тебе седь на язык*, а также смысловая поддержка – в данном случае внеязыковая мотивация, дополняющая собственно языковую – для интерпретации выражения *желна тебя колони*. Отметим, что представления о коршуне и желне, а также о вороне и кукушке, фигурирующих в приводившихся выше романских примерах, отличаются известным сходством: в славянских народных верованиях коршун и ястреб относятся к тому же разряду нечистых и зловещих птиц, что и представители семейства вороновых; черный дятел и кукушка предвещают скорую смерть или покойника; существует обрядовая параллель коршуна-ястреба и кукушки, ср. превращение кукушки в ястреба или коршuna; ястреб и коршун как нечистые и зловещие птицы нередко наделяются демоническими свойствами (в представлениях славянских народов, к примеру, в хищном ястребе скрывается черт; ср. русское выражение *черт коршуноватый*) и т.п.¹⁸

Говоря о мотивационном субстрате, который обусловливает взаимосвязь значений ‘птица’ и ‘типун на языке’, следует также напомнить, что образы различных птиц вообще устойчиво соотносятся со сферами, связанными с ротовой полостью, речью, ср.: *галки в рот влетели* ‘кто-либо остался обманутым’ (СРНГ 6, 114), *живы сороки изо рта летят* ‘о лживом человеке’ (Словарь Карелии 2, 56), *ворона в рот залетит* ‘о невнимательном человеке’ (ССРЛЯ II, 677), *птичка в роте у кого-либо* ‘о том, кто много говорит,.. болтает’ (ЛК ТЭ), *дать дрозда* ‘делать выговор, устраивать разнос’ (ССРЛЯ IV, 478–479), *курятник разинуть* ‘внимательно слушать, раскрыв рот’ (Словарь Прииртышья 2, 85) и т.п. Этот образный материал стимулирует возможности создания новых номинативных

конфигураций, эксплуатирующих связь *птица* ⇔ *рот, речь*. Необходимо отметить и существование такого номинативного поворота данного материала, как мотив “клевания за язык”, ср. *клюнуть в язык* ‘сказать что-то некстати, не подумав’ (ЛК ТЭ), серб. *ујела га пчела за језик* ‘о пьяном человеке, который заикается, лепечет’ (РСА VIII, 705).

Еще одна мотивационная предпосылка, обусловливающая связь представления о типуне и птичьих образов, заключается в том, что последние могут использоваться для обозначения разного рода пятен, в том числе болезненных¹⁹, ср.: *галки* ‘у торговцев крупами в дореволюционной России – темные пятна на гречневой крупе’ (СРНГ 6, 114), *ласточка* ‘болезнь (какая?)’ (*Вот теперь трахомы называют, а мы называли ласточкой. Она вроде золотухи, наряывает на затылке*), ‘темное пятно на нёбе лошади’ (“Якобы признак того, что лошадь проживет не более 7 лет, а если кобыла, то никогда не будет жеребиться”) (СРНГ 16, 283)²⁰.

Наконец, с точки зрения языковой типологии следует привести также упоминаемую В.М. Мокиенко (без комментариев) связь значений ‘типун’ и ‘синица’ в венгерском языке (*pintyöke, cinke*)²¹.

Заканчивая рассмотрение птичьих образов при обозначении типуна на языке, отметим, что множественность мотивационных ходов, движимых как когнитивными факторами, так и сугубо техническими внутриязыковыми обстоятельствами, создает, на первый взгляд, ситуацию “этимологического агностицизма”, которая скрывает реальный генезис языкового факта. Однако эта ситуация создается скорее не субъективно, будучи привнесенной исследователем, а объективно – как отражение истинного положения при рождении такой языковой единицы, которая связана с реализацией магической функции языка (особенно это касается идиомы *желна тебя колони*).

“Птичья” тема неминуемо выводит на проблему происхождения самого слова *типун*. Эта лексема не рассматривается Ж.Ж. Варбот в ряде ее работ, посвященных продолжениям глагола **tipati* и родственных ему **tepti*, **tъpati* и др.²², для которых восстанавливается первоначальное значение ‘касаться, надавливать; ударять; бить, колотить’. Исключение *типуна* из этого гнезда мотивировано, вероятно, существованием версии о связи этого слова с нем. *Pips* ‘типун, болезнь птиц’ из лат. *pituita* ‘густая слизь’ (Фасмер IV, 60 – с замечанием “что не является удовлетворительным”). Действительно, обозначения типуна (болезни птиц) с начальным звукокомплексом *rip-/tip-* и под. во многих германских, романских и славянских языках возвращаются в ряде этимологических исследований к латинскому источнику, ср., к примеру, этимологию англ. *rip*, нем. *Pips*, франц. *pépie* из

вульг.-лат. **pīppīta*, связанного отношениями диссимиляции с *pīttīta*, восходящим к клас.-лат. *ritūta* ‘смола деревьев’ и ‘слизь’ (Picoche, 379; Klein, 1188); болг. *пипетница*, с.-хорв. *popita* из итал. *pipita*, имеющего далее описанные выше связи (БЕР 5, 249; Skok III, 9) и др. При этом в тех же языках существуют многочисленные слова на *rip-/tip-*, связанные с “птичей темой” и имеющие семантику писка или клевания, ср. рус. диал. *тыйнуть* ‘клюнуть’ (Даль² IV, 405), серб. *типати/pipati* ‘обдирать, облупливать, щипать’, хорв. *ripas* ‘клюв’, чеш. *tipati/pipati* ‘пищать (о птицах)’, англ. *rip* ‘пищать, чирикать’, ‘разбивать скорлупу’, франц. *répier* ‘щебетать, чирикать, пищать’ и мн. др. Это обстоятельство заставляет некоторых авторов отказываться от латинской версии и говорить о связи наименований *типуна* со словами звукоподражательного происхождения²³. Не пытаясь решать вопрос о происхождении иноязычных обозначений типуна на *rip-/tip-* (особенно романских, где связь с латинским источником наиболее вероятна), укажем, что русское слово *типун*, как представляется, все же должно занять свое место среди продолжений **tipati*. Это мотивируется существованием в гнезде **tipati* (**тьрати* и др.) тех смысловых линий, которые релевантны для комплекса представлений о типуне, ср. идею “нажевывания” типуна (например, польск. *ćrasć* ‘много, медленно, постоянно есть, жевать’ <**тьрати*²⁴>) и клевания (рус. диал. *тыйка* ‘клюв’, *типать* ‘клевать’ (ЛК ТЭ), а также приводившееся выше слово *тыйнуть*). Тогда внутренняя форма слова *типун* – “ тот, кто клюет” (“активность” словообразовательной модели понятна с учетом тех представлений, о которых речь шла выше; ср. *корочун*, *лизун* и т.п.). Следует вспомнить также о реализующих “птичью тему” многочисленных звукоподражаниях вроде *тип-тип-тип* ‘подзывные слова для кур’, *тыйеньки* ‘курицы’, *тыйки* ‘цыплята’ и под. (Новг. словарь 11, 38), которые могут быть связаны с **tipati* – тоже звукоподражательным по происхождению – через идею клевания (хотя нельзя отрицать и возможности их независимого образования).

По крайней мере, рассмотренный выше комплекс русских диалектных вербальных формул со значением ‘типун тебе на язык’ помогает уяснить специфику народных представлений, связанных с речевыми запретами, а также специфику мотивационных отношений в соответствующей группе лексики.

Примечания

¹ Меркулова В.А. Народные названия болезней. II (на материале русского языка) // Этимология 1980. М., 1982, 156.

² Никончук М.В., Никончук О.М., Мойсіенко В.М. Поліська лексика народної медицини та лікувальної магії. Житомир, 2001, 30.

- ³ См.: ЭССЯ 11, 56–58; Валенцова М.М. *Карачун* // Славянские древности: Этнолингвистический словарь в 5 т. / Под общ. ред. Н.И. Толстого. Т. 2. М., 1999, 468–469.
- ⁴ Мокиенко В.М. Образы русской речи: Историко-этимологические очерки фразеологии. СПб., 1999, 397.
- ⁵ Там же.
- ⁶ Наличие этой связи позволяет отрицать версию о заимствованном или мотивационно неясном характере рус. диал. *жаба* ‘рот’ (см., например: *Меркулова В.А. Слав. *žab-*; праслав. *žagorūťъ ‘высокий, прямой’ // Этимология: Исследования по русскому и другим языкам. М., 1963, 76–78; *Плевачева Г. К слав. *žabrūťъ // Этимология 1966: Проблемы лингвогеографии и межъязыковых контактов. М., 1968, 93).*
- ⁷ Факты такого рода широко представлены в славянских языках, что позволило В.А. Меркуловой реконструировать общеславянское *žaba ‘болезнь, опухоль горла, языка, шейных желез у людей и животных’ (*Меркулова В.А. Слав. *žab-..., 72*). Важно учитывать и дополнительные факторы, мотивирующие названия таких болезненных выпуклостей: это, во-первых, мотив “раздувания” (и связанный с ним мотив тяжелого дыхания: при опухолях горла может появляться одышка); во-вторых, мотив “бугристости” кожного покрова.
- ⁸ Подробнее см.: Березович Е.Л. К интерпретации некоторых диалектных дериватов рус. *жаба*, *лягушка* // Общеславянский лингвистический атлас: Исследования и материалы. 1997–1999 (в печати).
- ⁹ Трубачев О.Н. Этногенез и культура древнейших славян: Лингвистические исследования. М., 1991, 116.
- ¹⁰ Меркулова В.А. Восточнославянские этимологии II // Этимология 1982. М., 1985, 39–40.
- ¹¹ Такая аттракция возможна в ряде славянских языков, см. обзор славянских орнитологических наименований, восходящих к *žylna, в работе Г.П. Клепиковской: *Клепикова Г.П. Значения славянских орнитологических названий, восходящих к *žyLNa // Проблемы индоевропейского языкоznания: Этюды по сравнительно-исторической грамматике индоевропейских языков. М., 1964, 106–114.*
- ¹² Гура А.В. Символика животных в славянской народной традиции. М., 1997, 714–715; *Он же. Дятел // Славянские древности: Этнолингвистический словарь в 5 т. / Под общ. ред. Н.И. Толстого. Т. 2. М., 1999, 171.*
- ¹³ *Ország L. Magyar-angol szótár. Vol. I. Budapest, 1969, 974.*
- ¹⁴ Молдавско-русский словарь. М., 1961, 291.
- ¹⁵ *Dictionarul limbii române literare contemporane. Vol. I. Bucureşti, 1955–1957, 477.*
- ¹⁶ *Dicționarul Limbii Române, întocmit și publicat după îndemnul și cheltuiala Maiestății Sale Regelui Carol I. T. I, p. II, f. 1. Bucureşti, 1914, 25.*
- ¹⁷ *Tiktin H. Dicționar Român-German. Vol. I. Bucureşti, 1903, 379.*
- ¹⁸ Гура А.В. Символика животных..., 542, 548, 554–555, 705–707, 714.
- ¹⁹ Ср. также, к примеру, факты украинского языка, где образ ласточки и сороки используется для обозначения веснушек: *ластовиння* (*Хто має ластовиння на виду, то, побачивши вперше весною ластівку, ... умивається, щоб не було того ластовиння*) (Гринченко П., 346); *сороче работине, ластовече работене* (*Никончук М.В., Никончук О.М., Мойсієнко В.М. Поліська лексика народної медицини..., 64*) и др.

- ²⁰ При этом восприятие типуна как пятна на языке тоже имеет языковую верификацию, ср., например, данные словенского языка, где слово *pika* имеет, в числе прочих, значения ‘типун’ и ‘ пятно’.
- ²¹ Мокиенко В.М. Образы русской речи..., 398.
- ²² См.: Варбом Ж.Ж. К реконструкции и этимологии некоторых праславянских глагольных основ и отглагольных имен. IV // Этимология 1974. М., 1976, 32–36; Она же. К реконструкции и этимологии некоторых праславянских глагольных основ и отглагольных имен. XI // Этимология 1982. М., 1985. 29–31; Она же. О семантике и этимологии звукоподражательных глаголов в праславянском языке // Славянское языкознание. X Междунар. съезд славистов: Докл. советской делегации. М., 1988, 68–69.
- ²³ Ср., к примеру, версию Ст. Младенова, изложенную в (БЕР 5, 250).
- ²⁴ Варбом Ж.Ж. К реконструкции и этимологии некоторых праславянских глагольных основ и отглагольных имен. XI..., 29.

Принятые сокращения

ЛК ТЭ	– Лексическая картотека топонимической экспедиции Уральского университета (кафедра русского языка и общего языкоznания, г. Екатеринбург).
Прокошева	– Материалы для фразеологического словаря говоров Северного Прикамья / Сост. К.Н. Прокошева. Пермь, 1972.

А.Б. Пеньковский

СЕБЕ НА УМЕ*

Дубовый листок оторвался
от ветки родимой...

М Ю. Лермонтов

Выражение *себе на уме* широко используется в живой разговорной речи и в отражающих ее литературных текстах для характеристики человека по таким признакам душевно-психического склада, как замкнутость или скрытность, за которыми могут стоять хитрость или лукавство, недоброжелательность или отчужденность, расчетливость или самоуглубленность и т.п. “Скрытен, хитер, имеет задние мысли” – так объясняет значение этого оборота Большой академический словарь (ССРЛЯ 13, 551); “скрытен, хитер; имеет заднюю мысль” – повторяет словарь С.И. Ожегова (Ожегов, 652); “скрытен, хитер, не обнаруживает своих мыслей, намерений” – подтверждает “Фразеологический словарь” (Молотков 494) и приводит

* Работа выполнена при поддержке РГНФ (грант 01-04-00-132а).